

Сведения об авторе

Скачков Алексей Сергеевич – канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии и социальных коммуникаций Омского государственного технического университета, Омск, e-mail: welirta@gmail.com.

Data on author

Skachkov Aleksey Sergeevich - cand. of philosophy sci., senior lecturer of department of philosophy and social communication of Omsk State Technical University, e-mail: welirta@gmail.com.

УДК 165.243

ББК Ю216.5

А.А. Медова

СМЫСЛ КАК МОДУС СОЗНАНИЯ. СОВРЕМЕННЫЕ ПАРАДИГМЫ СМЫСЛОПОНИМАНИЯ

Статья посвящена анализу современных подходов к пониманию сознания, в качестве таковых выделяются структурный, функциональный, качественный и предлагаемый автором модальный подходы. Рассматриваются существующие концепции смысла в их соотносительности с выделенными типами интерпретации сознания.

Ключевые слова: сознание, модус, модальность, смысл, модели сознания: функциональные, структурные, качественные.

A.A. Medova

SENSE AS MODE OF CONSCIOUSNESS. CONTEMPORARY PARADIGM OF UNDERSTANDING OF SENSE

This article is devoted to the analysis of modern approaches to understanding of the consciousness. The next approaches has marked out: structural, functional, qualitative and modal. The existing concepts of sense in their correlation to the allocated types of the interpretation of the consciousness are considered as well.

Key words: consciousness, mode, modality, sense, models of consciousness: functional, structural, qualitative.

Исследование феномена смысла является ключевой проблемой в философии сознания. Совершенно очевидно, что возможность осмысленности чего-либо – это суть и сердцевина не только разумности, но и сознательности как таковой. Можно сказать, что открытие тайны смыслообразования равнозначно открытию тайны сознания. Смысл не сводим к мышлению, рациональности, логике, содержательности или значимости. Смысл есть главный феномен сознания, и в то же время его определение крайне проблематично.

Каждая философская концепция смысла подразумевает под собой определенную модель понимания сознания и уже заранее ею фундирована. Все многообразие интерпретаций сознания можно свести к ряду основных типов: существуют функциональные, структурные, качественные и модальные модели сознания. Эта классификация выведена нами исходя из констатации установок различных философов и школ. Наиболее распространена тенденция рассматривать сознание как ряд определенных функций, направленных главным образом на установление «сообщения» субъекта с реальностью, а также на самоподдержание, – такого рода модели мы называем *функциональными* (к этому типу относятся модели психоанализа, марксистская теория отражения). С другой стороны, существует множество попыток анализировать сознание в структурном ключе как организованную систему элементов, это имеет место в феноменологии, неокантианстве, аналитической фило-

софии, неопозитивизме, благодаря чему возникают *структурные модели сознания*. В третьем аспекте содержания сознания мыслятся как чистые качества безотносительно их функций и структурирования – это *качественные модели сознания*, представленные в учениях русских религиозных философов А. Бергсона, В. Налимова и др.

В то же время следует отметить, что означенные три подхода никогда не встречаются в философских учениях в «чистом виде»: функциональные, структурные и качественные интерпретации сознания друг друга не исключают и часто смешиваются, поэтому наша классификация выстроена по принципу доминирования в концепции того или иного подхода. Существенно, что данный факт взаимопроникновения означенных концепций позволяет обосновать актуальность и продуктивность *модальной интерпретации сознания*.

Согласно модальному подходу все содержания сознания являются его модусами и таким образом на определенном уровне совпадают друг с другом, являясь единством сознания, сознанием как таковым. Т.е. речь в данном случае идет не о существовании различных структур, функций или содержаний сознания, а об определенных модусах одного и того же объекта. Для понимания этой концепции необходимо обратиться к сути понятия «модус».

«Модус» переводится с латинского как мера, способ, образ, вид. Под модусом мы понимаем способ или форму существования единого начала,

т.е. сознания. Фраза «существовать в модусе» означает «существовать в виде», «существовать в образе» или «существовать особым способом». Модальность предполагает пластичность объекта: одна и та же модальная сущность может существовать различно и в разных качествах, оставаясь при этом сама собой, что и свойственно содержанию сознания, которые при всем различии являются одним и тем же объектом – сознанием.

Специфика модального подхода в отличие от традиционной диалектической оппозиции «сущность-явление» состоит в том, что модусы – это и есть сама сущность, сам объект в разных его формах или планах, или измерениях. Модусы – это не составные части чего-либо и не проявления на уровне действия, это формы бытия одной и той же сущности, предстающие как различные в силу того, что они обнаруживаются как бы в разных плоскостях, изнутри разных измерений. Модальный объект меняет свое качество сразу по нескольким параметрам, причем все эти новые качества сохраняются в одновременности, существуют параллельно. Специфика заключается в том, что изменения эти можно обнаружить только изнутри того «измерения», которое их создало, изнутри определенного «силового поля». Так, одни и те же явления сознания, например, метонимичность, описываются в модусах психики (Фрейд, Лакан), языка (лингвистика) и мышления. В последнем случае метонимию можно отнести к проявлениям различных мыслительно-логических операций: «смеялась вся деревня» – обобщение + антропоморфность; обобщение всех жителей деревни в одно понятие и приращение деревне человеческих качеств. Следует заметить, что в данном примере сочетаются сознательная и бессознательная мыслительные операции, т.к. антропоморфная установка бессознательна.

Обозначенный нами модальный подход к пониманию сознания обусловлен необходимостью исследовать последнее как целостный, неделимый и в то же время многообразный объект. Модальная концепция сознания позволяет интегрировать все научно-философские данные о сознании как мышлении, психике, мировоззрении, самоидентичности, символизации и т.п.

Рассмотрим последовательно существующие концепции понимания смысла в их соотносительности с выделенными нами типами интерпретации сознания.

Лингво-психологические концепции. Теория смысла достаточно активно разрабатывается в контексте учения о языке. Смысл здесь традиционно интерпретируется в паре с понятием «значение». Самая простая версия такова: значение есть лексическая определенность слова, смысл же – субъективный образ, возникающий при понимании текста («треугольник Огдена-Ричардса»). В логической семантике Фреге значение есть денотат выражения, т.е. его предмет, смысл же – мыс-

ленное содержание выражения [8]. Таким образом, смысл высказывания отделяется от того, о чем это высказывание, хотя подобное различие – весьма тонкая интеллектуальная операция.

С этой точки зрения смысл задает содержательность знаков и языковых выражений в актуальной коммуникации (речи), значение же задает форму их существования в процессе трансляции в культуре и закрепляет нормативное содержание знаков и выражений (язык). Относительно значения смысл предстает как явление более мобильное, контекстуальное; значение же по своей природе есть нечто стабильное. Аналогичным образом интерпретируется пара «смысл-значение» в структурной модели сознания, разработанной в психологии А.Н. Леонтьевым и В.П. Зинченко. Здесь выделяются четыре уровня или режима сознания (которые можно также назвать модусами): смысл, значение, чувственная ткань, биодинамическая ткань. Причем *работа сознания в режиме смысла* характеризуется как творческая, свободная и неустойчивая, связанная с мотивацией и стимулами, зависящая от контекста внешней среды и приводящая к «соотнесению» сознания по реальности. Смысл оценивается как явление, могущее заменять собой реальность. *Работа в режиме значения*, напротив, характеризуется стабильностью, константностью, поскольку значения понимаются как сфера общезначимых истин. «Если смыслы, просцируясь на внешние предметы и ситуации, придают им функцию стимулов, то значения, сводя фрагменты реальности к знакомому, понятному, известному, превращают их в знаки» [9, 94]. Таким образом, смысл и значение трактуются в современной отечественной психологии по аналогии с парой понятий «речь – язык» в лингвистике.

В психологической интерпретации феномена смысла очевидным образом присутствует функциональный подход: смысл здесь выступает как мотивационный механизм, источник возникновения установки, личностный ориентир, диспозиция и т.п. То есть смысл является одной из функций работы психики, обеспечивающей ее активность, направленность и устойчивость. В то же время, сами авторы часто определяют смысл в контексте структурного подхода. Так, Д.А. Леонтьев описывает шесть разновидностей смысловых структур личности: личностный смысл, смысловую установку, мотив, смысловую диспозицию, смысловой конструкт и личностную ценность [6, 251]. Тем не менее, в данных концепциях доминирует, на наш взгляд, функциональная точка зрения.

Логические концепции. Особенность интерпретации смысла в логике состоит в структурности: смысл предстает в данных концепциях как *структура* процессов понимания. Структурная организация материала мышления генерирует смысл в логических системах, например, посредством *логических модальностей*, которые являются опре-

деленными режимами смысловых отношений объектов друг к другу. Так, алетическая логика позволяет создавать и фиксировать смысловые отношения объектов посредством операторов «возможно» и «необходимо»; деонтическая логика вводит модальности «разрешено» и «обязательно»; временная логика оперирует модальностями «всегда», «иногда», «часто», «никогда» [2, 258]. Все эти логические операторы являются своего рода условиями отношений объектов, условиями допущения истинности, ложности или существования предметов мысли относительно друг друга. Можно сказать, что «собственного» смысла данные модальности не имеют, они лишь создают смысловой аспект соотносительности чего-то внешнего для них.

Топологическая версия: смысл-граница. К структурным моделям понимания смысла можно отнести разработанную в философии XX в. версию, согласно которой «место» смысла – это граница значений, пространство их соотношения. То есть смысл – это не сами слова с их понятийным содержанием, а связь слов, создающая поле осмысленности или контекст. Так, Ж. Лакан говорит, что именно «связь одного означающего с другим порождает смысл, т.е. их соотношение» [5, 36]. Ролан Барт со свойственной постмодернистам категоричностью утверждает, что смысл вообще может быть только коннотативным, никакая референция невозможна в принципе [7].

Очевидно, что смысл по природе своей явление трансцендентальное, т.е. пограничное, возникающее на грани двух сфер. Он обнаруживается мыслителями на стыках означающих, означающего и означаемого, на границе цепочки означающих и дискурса, во взаимодействии означающего и потребности [5]. Согласно Ж. Делезу, между означающим и означаемым должно быть несоответствие, что обеспечивает их скольжение относительно друг друга, в результате чего и образуется смысл [4, 68]. Смысл часто понимается в современной философии топологически – как зазор, пространство, различие между мыслью и реальностью; подобно этому дискурс определяется как зазор между мыслью и речью [1, 96].

Отечественная школа системно-мыследеятельностной методологии (А. Зиновьев, М. Мамардашвили, В. Грушин, Г. Щедровицкий) интерпретировала смысл как структурный коррелят понимания, задающий особую форму существования знаков. Смысл объясняется здесь как общая соотносительность и связь всех относящихся к понимаемой ситуации явлений. Знание о такой соотносительности и есть смысл, т.к. оно дает возможность человеку фиксировать и потом воспроизводить функциональные характеристики элементов ситуации относительно друг друга и относительно ситуации в целом. Если исходить из того, что смысл всегда ситуативен, а значение, напротив, априорно, то обречение значения множе-

ством побочных факторов в ситуации понимания и будет смыслом. В данном случае смысл – подвижная составляющая значения, но это не есть его положительное определение.

Как заметил отечественный психолог Д.А. Леонтьев, для понимания смысла в его соотношении со значением, имеющим место в языкознании, лингвистике, семиотике, характерна определенная тенденция: смысл всегда указывает на замысел, интенцию автора высказывания, на внеязыковой контекст, *ситуацию употребления знака* [6, 12]. Именно это хотят сказать представители СМД-методологии, когда утверждают, что значение предзадано, а смысл ситуативен.

На наш взгляд, описанная установка имеет принципиальное значение. Главное в смыслообразовании то, что смысл обнаруживает себя на стыке сознания и реальности бытия, фундируя собой одновременно как сознание, так и реальность. Смыслом в его качественном проявлении может быть красота, польза, справедливость. Смысл может иметь вещь просто потому, что она интересна. То есть смысл возникает тогда, когда мы соотносим что-то с содержаниями сознания или со способом своего существования. Смысл – результат *проекции* сознания на внеположные ему вещи; в контексте такой установки смысл следует понимать уже не как структуру, а как модус, о чем мы будем говорить ниже.

Феноменология. Основатель феноменологии Э. Гуссерль не считал проблему смысла одним из основных своих вопросов, поэтому о том, что такое смысл, в контексте его учения можно говорить лишь косвенно. Явление смысла, если говорить о нем вне парадигмы сравнения смысла и значения, соотносится с такими «эффектами» сознания, как предметность и тематизация. Условно говоря, смысл возникает, когда есть «что» сознания и его различные проявления. Под смыслом вполне можно понимать условие содержательной наполненности сознания.

По Э. Гуссерлю, любая предметность сводится к тем или иным «феноменам» сознания, имеющим определенную форму протекания, которая априорно обуславливается сознанием. Существует осмысливающая интенциональная направленность сознания на объект, ноэзис. «Универсальное априори, принадлежащее трансцендентальному эго как таковому, есть сущностная форма, заключающая в себе бесконечное число форм, априорных типов возможных актуальностей и потенциальностей жизни вместе с предметами, которые конституируются в нем как действительно сущие» [3, 159]. Приведенная цитата свидетельствует о том, что смысл с феноменологической точки зрения будет результатом действия и синтеза определенных форм сознания.

Поиск смысла в феноменологии неизбежно сосредоточивается в области анализа чистого сознания. Исследование процессов смыслообразования

и смыслопридавания вполне феноменологично по своей сути. В рамках феноменологии это исследование актов, интенций и потенциальностей сознания, делающих возможной осмысленность чего-либо. Таким образом, феноменологическую версию смысла можно отнести к качественной модели – смысл является здесь не функцией, не структурным соотношением, а скорее качеством самого сознания, его атрибутом, его неустранимым эффектом.

Феноменологическим образом определяет смысл и Ж. Делез: «Смысл – то, что делает возможным вопрос. Это слова, обозначающие пустое слово» [4, 79]. Смысл, согласно одной из версий Ж. Делеза, – это не содержание, а условие содержательности, «условие присутствия общего в реальном, возможного в невозможном» [4, 52]. Концепция Ж. Делеза, изложенная в «Логике смысла», при всей своей эклектичности тяготеет так же к типу интерпретаций смысла как *качества*. В ней явно прослеживается структурная установка, но определения смысла как события («идеальное событие») и отдельной реальности есть определения именно качественные. Смысл у Ж. Делеза – явление онтологическое, живущее собственной жизнью, независимо от языка, культуры и сознания – такого рода подход к проблеме можно назвать исключительным. В «гипостазировании» и онтологизации смысла состоит ценность концепции Ж. Делеза. Автор пытается объяснить сущность смысла через понятия сингулярности и серии: смысл есть объединение и перераспределение сингулярностей, это вечное отсутствие, пустое место, приводящее структуру в движение; смысл рождается из взаимосоответствия серий, соответствия же возникают в сингулярных точках [4, 71].

В философии других представителей постмодернизма также прослеживается тенденция качественного подхода к смыслу, но уже более «слабая». Главная парадигма смыслопонимания постмодернистов связана с тем, что смысл интерпретируется через метафизику отсутствия референта знака и через реконструкцию *трансцендентально-го означаемого*. Идея состоит в том, что знак может иметь смысл и вне наличия соответствующего ему денотата. Трансцендентальное означаемое (термин Деррида) – это внеязыковой референт как онтологический гарант определенности семантики языка. Это смысл подобный первичной «чтойности» бытия, автономный по отношению к любому коду. Для именования смысла неслучайно выбран термин «трансцендентальный», т.е. пограничный, не имеющий собственной территории, возникающий из взаимодействия, и в то же время допытный.

Данная установка имеет большую ценность, т.к. отражает попытку чисто качественного понимания смысла, и в то же время она констатирует его онтологическую недопустимость. Трансцендентальное означаемое содержит в себе собст-

венную невозможность – оно не отсылает в своем существе ни к какому означающему, не вписывается в знаковую цепочку и в определенный момент уже не функционирует как означающее. Как пишет Деррида, «с момента, когда мы ставим под сомнение саму возможность... означаемого и признаем, что всякое означаемое есть также нечто, стоящее в позиции означающего (это явление Делез называет *сериями* – прим. автора), различие между означающим и означаемым – самый знак – становится проблематичным в корне» [7, 792]. Это и есть контекст метафизики отсутствия – у означаемого отсутствует внеязыковое содержание, т.е., по сути, отсутствует смысл. Для философских систем XX в. вообще характерен мотив невозможности – невозможности осуществления желания в психоанализе, невозможности подлинной intersубъективности в феноменологии и экзистенциализме, невозможности референции смысла в означивании. Деррида определяет весь процесс означивания как формальную игру различений, следов. Постмодернизм, по словам Р. Барта, создает «мир, перенасыщенный означающими, но так и не получающий окончательного означаемого» [7, 733].

По сути дела, философы-постмодернисты не отказываются от идеи смысла, но изменяют «траекторию» его обнаружения – смысл теперь порождается не соотношением знака с внешней ему реальностью, а режимом внутренней работы языка. Языковая реальность становится исчерпывающей и самодостаточной, смысл в данном контексте есть результат соотносительности ее элементов. Слово становится тем единственным механизмом, который необходим для конституирования реальности, возникает «заранее констатируемое присутствие».

Но и при таком подходе проблема сущности смысла и его происхождения все равно остается нерешенной: постмодернистская мысль ее просто «обогнула». Этот констатирует Жак Лакан: «Если мы особо настаиваем на том, что можно назвать автономией законов означающего, если мы утверждаем, что они являются по отношению к механизму порождения смысла первичными, это не избавляет нас от необходимости задаться вопросом о том, как следует мыслить <...> *смысл смысла*» [5, 98].

Исходя из описанного положения вещей, можно сделать вывод о том, что концепции, где смысл полагается вне его сопоставленности со значением и не выводится из игры означающих и означаемого, находятся в явном меньшинстве. Действительно, почему смысл непременно нужно исследовать как парное понятие к значению? Первичная интуиция говорит нам, что смысл есть нечто большее, чем значение, он очевидно первичен по отношению ко всем процедурам означивания. Но проблема смыслопонимания заключается в том, что смысл «привязан» к вербализации: так, согласно древнерусскому выражению, неразумное

существо – «тварь бессловесная». В основе большинства концепций смысла лежит референциальная концепция знака, имплицитно предполагающая внетекстовой гарант значения означающих. Постмодернизм поставил под сомнение существование такого гаранта, но и он не смог обойтись в объяснении феномена смысла без обращения к понятиям «означающее и означаемое». Из рассмотренных выше подходов только феноменологический и отчасти делезовский представляются попыткой выйти за пределы этой установки, т.е. избежать однозначного увязывания смысла со знаком.

Что касается соотносительности описанных версий смысла с предложенной выше типологией моделей сознания, то психологические, психоаналитические и лингвистические версии тяготеют, на наш взгляд, к функциональности; концепции СМД-методологии, логические и постмодернистские – к структурности; феноменологические и версия Жюль Делеза – к качественности.

Модальная версия. Если рассуждать исходя из повседневного опыта, смысл имеет не само сознание, как таковое, а внеположные ему предметы – возможен смысл высказывания, поступка, предмета, события. В каком случае нечто имеет смысл? – Когда оно приобретает качество «считываемости», интерпретируемости для нашего сознания. То есть предмет приобретает некое *измерение совместимости* с сознанием, посредством которого сознание распознает его как значимый для себя, причем эта значимость может быть совершенно различна по качеству – этическая, эстетическая, экзистенциальная, логическая, комическая и т.п.

Смысл – показатель возможности вхождения объекта в сознание под тем или иным углом. Различные углы его преломления и измерения его существования можно назвать *смысловыми модулями*, так как все они имеют единое основание; понимание юмора анекдота – это акт сознания того же порядка, что и понимание смысла концепции, но однопорядковы с этими актами также ощущение красоты или справедливости. Существенно, что извлечение смысла – это не всегда логическая операция, во время которой мы можем зафиксировать свое интеллектуальное действие. Она может быть и интуитивной, и бессознательной, на чем настаивает философия психоанализа. «Аналитический опыт и фрейдовский подход показали нам, как <...> измерение означающего ведет свою собственную, независимую игру. И пока мы к нему не притронемся, пока не отдадим себе в нем отчет, нам обязательно будет казаться, что означающее существует лишь для того, чтобы служить расширению нашего сознания» [5, 122].

Феноменологическая установка наиболее близка модальному подходу, нежели остальные: в ней смысл и значение на феноменальном уровне неразличимы, ибо это активность сознания и форма

его бытия. Интерпретация смысла в качестве модуса предполагает его разноплановую дескрипцию: как измерения сознания, имеющего себе параллельные; как спектра, в котором разлагаются явления одной природы (в данном случае мы говорили о разнообразии модусов самого смысла); как режима работы или формы осуществления сознания наряду с другими режимами и формами. Описать смысл как модус – это значит найти условия, при которых феномен смысла будет иметь так же качество временности, пространственности, символичности, самоидентичности и др. – то есть тех явлений, которые сами суть другие модусы (порядки, регистры) сознания. Смысл в качестве элемента мышления, психики, эстетической и языковой деятельности уже был описан в философии неоднократно. Это подтверждает его модальную природу – смысл являет себя в различных формах и качествах, в различных «измерениях», но также и сам имеет свой собственный спектр модальностей.

Литература

1. Юран А., Рисков В., Мазин В., Черноглазов А. Лакан и космос. – СПб.: Алетейя, 2006. – 172 с.
2. Вагин В.Н., Головина Е.Ю., Загорянская А.А., Фомина М.В. Достоверный и правдоподобный вывод в интеллектуальных системах – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2004. – 704 с.
3. Гуссерль Э. Картезианские размышления – СПб.: Наука, 2001. – 320 с.
4. Делез Ж. Логика смысла. – М.: Академия, 1995. – 298 с.
5. Лакан Жак. Семинары. Кн. 5. Образование бессознательного (1957-1958 гг.) – М.: Гнозис; Логос, 2002. – 608 с.
6. Леонтьев, А.Д. Психология смысла. Природа, структура и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 1999. – 487 с.
7. Можейко М.А. Трансцендентальное означающее // Всемирная энциклопедия. Философия XX в. – М.: АСТ; Минск: Харвест, Современный литератор, 2002. – С.792-793.
8. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. – М.: ВИНТИ, 1977. – Вып. 8. – С. 181-200.
9. Яновский М.И. Внимание как критерий оценки состояния сознания // Вопросы психологии. – 2005. – № 6. – С. 91-97.

Literature

1. Yran A., Riskov V., Mazin V., Chernoglasov A. Lakan end Spacc. – SPb.: Aleteia, 2006. – 172 p.
2. Vagin V.N., Golovina E.U., Zagorjanskaja A.A., Fomina M.V. Trustworthy end verisimilar conclusion in intellectual systems. – M.: FIZMATLIT, 2004. – 704 p.
3. Husserl E. Cartesian meditation. – SPb.: Nauka, 2001. – 320 p.
4. Deleuze J. Logic of Sense. – M.: Academia, 1995. – 298 p.
5. Lacan, J. Seminars. B.5. Formation of unconscious (1957-1958). – M.: Gnozis/ Logos, 2002. – 608 p.
6. Leontyew A.D. Psychology of Sense. Nature, structure and dynamics of meaningful reality. – M.: Smysl, 1999. – 487 p.
7. Mojeiko M.A. Transcendental significative // World-wide encyclopedia. Philosophy of XX century. – M.: AST; Minsk: Harvest. Sovremennyi literator, 2002. – P.792-793.
8. Frege G. Sense end significance // Semiotics and computer science. – M.: VINTI, 1977. – Iss. 8. – P. 181-200.
9. Yanovskiy M.I. Attention as criterion of valuation state of consciousness // Questions of psychology. – 2005. – № 6. – P. 91-97.

Сведения об авторе

Медова Анастасия Анатольевна – канд. филос. наук, доцент Сибирского государственного технологического университета, 660049, г. Красноярск, e-mail: amedova@list.ru

Data on author

Medova Anastasia Anatoljevna - cand. of philosophy science, assistant professor of Siberian State Technological University, 660049, Krasnoyarsk, e-mail: ame-dova@list.ru

УДК 165.9

ББК 87.3

А.В. Давыдов

ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ Г.В.Ф. ГЕГЕЛЯ НА ФИЛОСОФСКУЮ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ В СССР (60-80 гг.)

Данная статья посвящена исследованию советского периода отечественной философии истории, которая, говоря языком Гегеля, может рассматриваться как период объективной, государственно-правовой определенности идей разума в истории философии, как таковой. История интерпретации гегелевского наследия в СССР осуществлялась в рамках марксистско-ленинской идеологии, поэтому была создана собственная традиция в интерпретации его идей.

Ключевые слова: советская философия, научность, диалектика, коммунистическая идеология, разум.

A.V. Davydov

INFLUENCE OF THE STATE IDEOLOGY AND HEGEL'S PHILOSOPHY ON PHILOSOPHICAL REALITY OF THE USSR (60-80)

This article is devoted to the investigation of the history of Soviet philosophy which according to Hegel; analyzed the objective period, governmental-legal certainty of reasons idea in history philosophy is analysed. The history of interpretations of Hegel's legacy in the USSR was understood according to Marxism-Leninism ideology, so a philosophical tradition of interpretation of his ideas was composed.

Key words: Soviet philosophy, scientifically, dialectic, communists ideology, reason

При изучении истории философии в советское время главное внимание уделялось лишь тем философам, которые, пусть в результате определенных интерпретаций, могли быть квалифицированы как материалисты, атеисты, диалектики, демократы. Часто это были не совсем философы, а скорее, политические деятели, литераторы, иногда ученые, высказывавшиеся по философским вопросам и главным образом развивавшие или стремившиеся применить к русской действительности идеи, выработанные на Западе. Философия западноевропейских стран была некоего рода классикой и изучалась достаточно серьезно, т.к. марксистская философия была продуктом развития философии Запада и считалась высшей степенью этого развития, соответственно и ее «предшественники» также воспринимались с почтением.

С середины 50-х гг. в СССР возрастает интерес к немецкой классической философии – одному из теоретических источников марксизма. Этот интерес был вызван общим оживлением философской мысли в стране, стремлением советских философов к более глубокому освоению философского наследия классиков марксизма-ленинизма с изучением генезиса марксизма. Да и вообще Гегель был «свободной» философской темой, одним из классиков, для написания самобытных, а не только идеологически-материалистических статей.

Разумеется, только этим нельзя объяснить устойчивый искренний интерес к Канту, Гегелю или другим философам, однако легитимация такого интереса была связана с вышеупомянутой причиной.

История материалистической интерпретации гегелевского наследия в СССР осуществлялась в рамках марксистско-ленинской идеологии, соответственно была создана своеобразная философская традиция интерпретации идей Гегеля материалистически с акцентом на его диалектический метод. Советские исследователи подчеркивают качественно новый характер марксистского понимания диалектики сравнительно с гегелевским, ибо в философии Гегеля диалектика в том виде, в каком она развивается им, тесно связана с его идеалистической в антидиалектической по своему существу системой. Поэтому К. Маркс не мог взять гегелевскую диалектику без переработки ее на материалистической основе.

Считаем необходимым отметить тот факт, что Гегелем конструируется схема развития идеи от первого проявления и до его абсолютного самопознания. Также Гегель утверждает, что уже само появление идеи развития гипотетически содержит в себе всю последующую историю. Поэтому всеобщее духовное содержание всемирной истории есть развитие эстетического, религиозного и философского моментов абсолютной идеи Гегеля.